

Маскулинность в работах Р. Коннелл и Дж. Мосса: культурный vs. социально-экономический детерминизм

А. А. Мордвинов¹, К. В. Игаева²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Приволжский исследовательский медицинский университет. Россия, г. Н. Новгород.
ORCID: 0000-0003-2614-1787. E-mail: socgumngma@bk.ru

²аспирант кафедры всеобщей истории, Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина. Россия, г. Н. Новгород. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются гендерные исследования трансформации маскулинности в эпоху модерна. Сравнение идей Дж. Мосса и Р. Коннелл демонстрирует полемику двух базовых подходов к этой проблеме: культурного и социально-экономического. С точки зрения первого из них меняется скорее внешняя риторика, но не сами моральные нормы и ценности европейской культуры маскулинности. Второй предполагает не только социально-экономическую обусловленность моделей гендерного поведения, но и серьезные культурные разрывы, а также острую конкуренцию между ними. Для Р. Коннелл важна критика маскулинности, тогда как для Дж. Мосса – структурный анализ ее исторического функционирования в пространстве культуры. В первом случае акцент делается на микроуровень и социальные различия; во втором – на устойчивость и преемственность культурных форм. Соответственно, отличаются и темпоральные регистры исследования: социально-экономический детерминизм опирается на синхронический подход, а культурные исследования – на диахронический. По мнению Р. Коннелл, гегемонная маскулинность выступает не столько культурным образцом поведения, но во многом неосознаваемыми нормативными рамками, подобно социальным фреймам И. Гоффмана. При невозможности соответствовать идеалу мужчина идет на некий компромисс, который соотносится с его социально-экономическими возможностями. Даже «протестная маскулинность», подталкивающая мужчин отказаться от своих традиционных ролей, доминировавших в эпоху модерна, возникает как ответ на ограничения социальной мобильности. А для Дж. Мосса все эти изменения представляются лишь чередованием элементов орнамента в относительно неизменном коллаже мужской культуры модерна.

Ключевые слова: гендерные исследования, гегемонная маскулинность, мужество, культура модерна, достоинство.

Ускорение темпов социального и культурного развития современного общества все сильнее влияет на его нормативную сферу, стратегии гендерного поведения и семейные ценности, что делает предельно актуальным анализ изменений гендерных моделей как на Западе, так и в России. В последнюю четверть века в данной сфере преобладают «женские исследования», ставящие своей первоочередной задачей социальную критику «гегемонной маскулинности». Это вызывает необходимость, во-первых, более внимательного исследования не только женских, но и мужских моделей поведения, а также проблематизацию указанного социально-экономического детерминизма. «Что происходит с мужчинами в современном мире, в котором они утрачивают свой господствующий статус?» [1, с. 99] Этот вопрос поставлен И. С. Коном уже достаточно давно. К нему можно добавить еще две актуальных проблемы: можно ли говорить о «кризисе маскулинности» в мультикультурном обществе, или, наоборот, происходит ее реактуализация? И насколько продуктивно линейное объяснение современных процессов социально-политическими факторами без учета длительных трендов развития европейской и российской культуры?

Попытка ответить на эти вопросы заставляет обратиться к работам двух широко известных лидеров гендерных исследований – Р. Коннелл и Дж. Мосса, взгляды которых существенно различаются. Цель данной статьи – проанализировать различия их (социального / культурного) подходов к пониманию маскулинности и выявить перспективы их взаимодействия. Для достижения этой цели представляется перспективным использование компаративного анализа ключевых работ Р. Коннелл и Дж. Мосса, а также дискурс-анализа используемого в их текстах понятийного аппарата. Непосредственного сравнения их взглядов в российских гуманитарных исследованиях до сих пор не проводилось, хотя, разумеется, их основные идеи широко обсуждаются в рамках современных гендерных исследованиях [3; 5; 6; 7].

Рэйвин Коннелл – одна из самых известных и влиятельных на сегодняшний день гендерных теоретиков [7, с. 5], профессор Сиднейского университета – подчеркивает социальный характер конструирования фемининности и маскулинности. Она подвергает сомнению существование еди-

ной модели маскулинности, – последняя возникает всегда в процессе общественного взаимодействия и отвечает на запрос определенного социокультурного контекста, а значит, может изменяться в зависимости от конкретных условий. Коннелл выделяет три структуры, вокруг которых происходит организация гендерных отношений: труд или производство, либидное влечение «катексис» (конструирование эмоционально нагруженных социальных отношений с объектами) и власть, которая является основополагающей категорией [2]. Эти структуры формируют два типа маскулинности: «гегемонную» и «протестную», которые противостоят друг другу, но при этом работают на одну и ту же форму гендерных отношений, не меняя ее. Как справедливо отмечает Е. Ю. Мещеркина по поводу работ Коннелл, «не существует единственно представленного образца, различные маскулинности находятся в иерархических отношениях, в которых одни маскулинности доминантны, 'гегемонны', другие подчинены или маргинализированы» [3, с. 16].

При этом гегемонная маскулинность выступает не только культурным образцом поведения, но и во многом неосознаваемыми нормативными рамками. При невозможности соответствовать идеалу мужчина идет на некий компромисс, который соотносится с его социально-экономическими возможностями. В своей работе «Маскулинности» Р. Коннелл проводит исследования среди рабочих, достаток которых ниже среднего уровня, и доказывает, что низкое положение в обществе и невозможность восходящей социальной мобильности подталкивает мужчин отказаться от своих традиционных ролей, доминировавших в эпоху модерна. «Например, Джек Харли, байкер с судимостью, не против остаться дома и ухаживать за ребенком, если его жена сможет зарабатывать больше, чем он» [9, с. 109]. На основе данного компромисса возникает, как ее называет Коннелл, протестная маскулинность: «Это маргинальная маскулинность, которая в целом опирается на гегемонную, но перерабатывает ее по отношению к бедности» [9, с. 114]. Она не меняет структуру гендерных отношений и не решает социально-экономических проблем. Вероятно, протестная маскулинность является активным ответом на ситуацию в обществе; она распространена среди мужчин, занятых физическим трудом, и основывается на их этике солидарности. Как отмечает Коннелл, «потеря экономической основы мужского авторитета приводит к сохранению раздробленного сознания – эгалитаризма и женоненавистничества, – а не в каком-либо новом политическом направлении» [9, с. 117]. При этом локальные победы, основанные на протесте, не ведут к ниспровержению патриархата. «В тех американских рабочих семьях, где жена играла главенствующую роль, это не могло быть признано публично, внешне поддерживалась видимость мужской власти» [2].

Главная мысль Коннелл состоит в том, что мы должны отличать макроотношения власти, благодаря которым женщины подчинены мужчинам на уровне всего общества, от микроситуации в конкретных домохозяйствах, на конкретных рабочих местах, в конкретных сферах. Локальный паттерн может отличаться от глобального и даже противоречить ему. Такие локальные отклонения могут также означать наличие структурного напряжения, которое в долгосрочной перспективе ведет к изменениям [2].

Принципиально иную позицию по отношению к трансформациям маскулинности занимает Джордж Мосс – основатель «Журнала современной истории». В своей работе «Образ человека: формирование маскулинности в эпоху модерна» он делает акцент на *социально-культурных* истоках современной мужественности. В отличие от Р. Коннелл, Мосс считает, что именно культурные идеалы влияли на формирование традиционного типа маскулинности: в его основе лежали средневековые аристократические нормы морали, важные для сословия воинов. По словам П. В. Романова, «природа современной маскулинности, на взгляд Джорджа Мосса, может быть понята только из природы нормативного общества и идеологий, легитимирующих его» [5, с. 513].

Исследователь отмечает, что невозможно указать точный момент, когда родился идеал современной мужественности, – это произошло где-то между второй половиной XVIII столетия и началом XIX в. [4, с. 103–107] Эпоха Просвещения скорректировала средневековые идеалы: сфера телесного оказалась в равном положении с духовной. Представители буржуазии не стремились к разрыву с аристократическими образцами поведения, отсылающими к воинской доблести, лояльности, выдержке и чести, которую необходимо защищать. Наоборот, они стремились по возможности подражать этому образцу, хотя аристократическая честь была связана с благородством происхождения. Кроме того, буржуазная маскулинность включала новые черты – прежде всего, способность к состраданию. Таким образом, Просвещение с его сочетанием рационализма и сентиментализма способствовало признанию равенства души и тела (которое перестало быть греховной плотью).

Проявлением такого мировосприятия может служить физиогномика, разработанная Иоганном Каспаром Лафатером, на основе которой сформировался винкельмановский идеал мужской красоты. Последний обращал особое внимание на физический облик: форму носа, цвет глаз, рельеф тела – и апеллировал к греческому идеалу красоты. При этом предполагалась прямая связь телес-

ного облика с моралью и светским этикетом поведения. Гимнастические упражнения, которые демонстрировали атлетические формы и возвышенную красоту обнаженного тела, стали главным способом достижения данного идеала. Сильное тело, красота и нравственность соединялись в «мужское достоинство» и «дух мужественности» [10, с. 41]. Позднее гимнастика становится частью армейской подготовки, и именно военные выступают за ее введение в школьную программу. В результате устанавливается прямая связь между представлением о маскулинности и военным делом, которая сохраняется, например, в немецких школах-интернатах вплоть до Второй мировой войны. С помощью гимнастических упражнений мужское тело должно было быть «вылеплено», чтобы приблизиться к этому идеалу. Поэтому командные виды спорта не имели современного значения, – нужный для армии патриотизм требовал солидарности, а не воспитания конкурентного духа. Героизм, смерть и жертвенность стали ассоциироваться с мужеством, как и дисциплина. Таким образом, главной тенденцией восприятия маскулинности в конце XVIII–XIX вв. была ее милитаризация.

Основным инструментом этого процесса – школой новой мужественности – стала гражданская армия Французской революции. Сначала Французская революция опиралась на добровольцев и их защиту, но в 1793 г. Законодательное Собрание мобилизовало все мужское население. Это был конец наемной (профессиональной) армии, которая сражалась за деньги и ради приключений. Теперь солдаты должны были воплотить в своей борьбе отмеченные выше качества. «Смерть, жертва и отечество» стали триадой, символизирующей цели и испытания истинной мужественности.

Так сформировался массовый стереотип, которому старались следовать. А те, кто ему не соответствовал, считались аутсайдерами и врагами общества. Как отмечает Т. Б. Рябова, «в стереотипном образе мужчины присутствуют качества, во-первых, коррелирующие с деятельностью и активностью. <...> Во-вторых, "мужскими" являются характеристики, обычно соотносимые с позициями власти и управления» [6, с. 125]. Маргинализованные слои населения – люди без определенного места жительства, без корней, в основном приезжие (цыгане, бродяги и евреи), а также гомосексуалисты, – даже если они были близки к идеалу мужской красоты, все равно считались аутсайдерами. Поэтому они не стремились к мужской солидарности, которую демонстрировали рабочие в исследованиях Р. Коннелл, а наоборот, пытались соответствовать заявленной нормативной планке.

Во второй половине XIX в. под натиском новых политических и социальных движений этот тип мужественности начинает подвергаться сомнениям, прежде всего со стороны женского движения и гомосексуалистов, число которых медленно росло с 1860-х гг. до конца века. Однако Первая мировая война позволила вернуться к прежнему идеалу (правда, уже в модифицированном виде), отбросив претензии аутсайдеров. Война не добавила новых черт к прежнему стереотипу маскулинности, но усилила некоторые его особенности. Ассоциация милитаризма с мужественностью всегда присутствовала в гимнастических играх и упражнениях, война не только намертво скрепила два этих понятия, но и освободила агрессию от сдержанности. «На войне фактура людей буквально менялась: мышцы вытесняли жир, появлялись шрамы, (после ранений) исчезали конечности» [8, с. 203]. В ходе войны европейские мужчины разделились на два типа: тех, кто был озлоблен этой кровавой бойней, и тех, кто продолжал поддерживать войну. Вторые были склонны критиковать ее причины, но не сами боевые действия, считая, что война – это испытание их мужественности. Первые же критиковали милитаризм и выступали за ревизию прежнего нормативного типа мужественности. В частности, некоторые социалисты пытались спроектировать новый тип «мирной мужественности», стремящейся к солидарности, а не к борьбе. Его представители должны были отказаться от применения силы, а также ослабить слишком строгую гендерную сегрегацию. Для социалистов таким новым идеалом стал рабочий, мужская сила которого была связана с физическим трудом. Однако этот идеал сохранял ключевые качества прежней идеологии: героизм, дисциплину и подчинение своей группе [10, с. 125]. Это были те же ценности, что исповедовали военные: важно было равенство и стремление к нормативному идеалу. Однако в 1930-е гг. социалистический идеал гуманной и пацифистской мужественности потерпел неудачу (как в Германии, так и в СССР), произошел возврат к милитаристской национальной и политической символике. В списке мужских добродетелей на первое место вышли послушание, дисциплина, лояльность, что не противоречило ценностям, родившимся еще в буржуазном обществе модерна (честность, товарищество, братство).

После Второй мировой войны была произведена новая попытка раскатать устоявшиеся идеалы. Движение за права женщин в Европе привело к впечатляющему прогрессу в послевоенном мире. Например, если в 1965 г. большинство населения в Федеративной Республике Германии считало, что женщина не должна работать, занимаясь детьми и хозяйством, то к 1983 г. большинство мужчин и значительный процент женщин выступали против такого разделения гендерных ролей. Кроме того, изменения произошли внутри идеала мужественности. Молодежь оказалась в авангарде установления новых нравов, которые со временем распространились на все слои населения. Их

субкультура, одежда и внешний вид стирали гендерные различия, но все же не ставили под сомнение гетеросексуальность. Респектабельность и репутация «dead white males» оспаривались в пользу утверждения «раскрепощенной» индивидуальности и самоидентичности. Эстетика обнаженного мужского тела вновь приобрела важное значение, как в винкельмановскую эпоху, но бинарная оппозиция между нормативной маскулинностью и ее противниками исчезла. Контуры нормативности оказались размыты, хотя идеал мужественности все же присутствовал, провоцируя моду на бодибилдинг. Таким образом, параллельно сосуществовать и быть одновременно популярными у среднего класса смогли сразу несколько моделей маскулинности: молодежная, относительно классическая и альтернативная.

С точки зрения Джорджа Мосса, общепринятый идеал мужественности присутствовал во всех этих трансформациях, будь то социалистическая, буржуазная или фашистская версия. Каждая из них сохраняла отсылки к нормативным ценностям Просвещения: культивируемый ум и здоровое тело, дисциплинированность и послушание, сдержанность и обязательность были присущи молодежи среднего класса во всех этих обществах.

Таким образом, в концепции Джорджа Мосса маскулинность в эпоху модерна качественно остается неизменной, меняются только «внешние социальные декорации», смена которых иногда может ошибочно представляться как радикальный кризис моральных норм и ценностей. Рэйвин Коннелл же считает, что локальные социально-экономические изменения в перспективе могут привести к качественным изменениям культуры и политических систем. Кроме того, как справедливо отмечает Т. Б. Рябова, «Дж. Мосс полагает, что гендерные стереотипы в их современном варианте появились лишь в эпоху модерности, то есть во второй половине XVIII в. По мнению Р. Коннелл, бессмысленно пытаться искать какие-то бы ни было "трансторические истины" о мужестве и мужском начале» [6, с. 136]. В одном случае речь идет о критике маскулинности, в другом – о структурном анализе ее функционирования в историческом пространстве культуры.

Список литературы

1. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 99–114.
2. Коннелл Р. Структура гендерных отношений // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3.html> (дата обращения: 24.07.2017).
3. Мещеркина Е. Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 15–25.
4. Репина Л. П. «Гендерная история»: проблемы теории и метода // Средние века. 1994. № 57. С. 103–107.
5. Романов П. В. По-братски: мужественность в постсоветском кино // О муже(Н)ственности : сб. ст. / под ред. С. Ушакина. М. : Нов. лит. обозрение, 2001. С. 503–525.
6. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2003. № 1–2. С. 120–138.
7. Тартаковская И. Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 5–23.
8. Bourke J. The Body in Modern Warfare: Myth and Meaning, 1914–1945 // What History Tells. George L. Mosse and the Culture of Modern Europe / ed. by S. G. Payne, D. J. Sorkin, J. S. Tortorice. Madison : University of Wisconsin Press, 2004. P. 202–219.
9. Connell R. W. Masculinities. Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 2005. 324 p.
10. Mosse G. L. The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity Oxford. N. Y. : Oxford University Press, 1998. 232 p.

Masculinity in publications of R. W. Connell and G. L. Moss: cultural vs social-economical determinism

A. A. Mordvinov¹, K. V. Igaeva²

¹PhD of philosophical sciences, associate professor of social sciences and humanities,
Volga Research Medical University.

Russia, N. Novgorod. ORCID: 0000-0003-2614-1787. E-mail: socgumngma@bk.ru

²post-graduate student of the Department of general history, Nizhny Novgorod State Pedagogical University
n. a. K. Minin. Russia, N. Novgorod. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Abstract: The article examines gender studies of the transformation of masculinity in the modern era. A comparison of J. Moss and R. Connell ideas demonstrates the polemic of two basic approaches to this problem: cultural and socio-economic. From the first point of view, external rhetoric is changing, but not the moral norms and values of

the European culture of masculinity. The second assumes not only the socio-economic conditioning of gender behavior models, but also serious cultural gaps, as well as intense competition between them. For R. Connell, criticism of masculinity is important, whereas for J. Moss, a structural analysis of its historical functioning in cultural sphere. In the first case, the emphasis is on the micro-level and social differences; in the second – on the stability and continuity of cultural forms. Accordingly, the temporal registers of the study differ: socio-economic determinism is based on a synchronic approach, and cultural studies on diachronic. According to R. Connell, hegemonic masculinity is not so much a cultural model of behavior, but largely unconscious normative framework, like I. Goffman's social frames. If it is impossible to meet the ideal, a man goes to a compromise, which is related to his social and economic opportunities. Even "protest masculinity," which encourages men to abandon their traditional roles that dominated the modern era, arises as a response to the limitations of social mobility. Whereas for J. Moss all these changes are represented only by the alternation of the elements in the relatively uniform collage of the male modernist culture.

Keywords: gender studies, hegemonic masculinity, courage, modern culture, virtue.

References

1. Kon I. S. *Menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire* [Changing men in the changing world] // *Ehtnograficheskoe obozrenie – Ethnographic review*. 2010, No. 6, pp. 99–114.
2. Konell R. *Struktura gendernyh otnoshenij* [Structure of gender relations] // *Neprikosnovennyj zapas – Emergency ration*. 2012, No. 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/k3.html> (date accessed: 24.07.2017).
3. Meshcherkina E. YU. *Sociologicheskaya konceptualizaciya maskulinnosti* [Sociological conceptualization of masculinity studies] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological Research*. 2002, No. 11, pp. 15–25.
4. Repina L. P. «Gendernaya istoriya»: *problemy teorii i metoda* ["Gender history": problems of theory and method] // *Middle ages*. 1994, No. 57, pp. 103–107.
5. Romanov P. V. *Po-bratski: muzhestvennost' v postsovetском кино* [Fraternal: masculinity in post-Soviet film] // *O muzhe(N)stvennosti : sb. st. – On mascul(femin)inity: collection of articles / under the editorship of S. Ushakin*. M. New. lit. review. 2001. Pp. 503–525.
6. Ryabova T. B. *Stereotipy i stereotipizaciya kak problema gendernyh issledovanij* [Stereotypes and stereotyping as a problem of gender studies] // *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo – Personality. Culture. Society*. 2003, № 1–2, pp. 120–138.
7. Tartakovskaya I. N. *Gendernaya teoriya kak teoriya praktik: podhod Roberta Konnella* [Gender theory as a theory of practices: Robert Connell's approach] // *Sociologicheskij zhurnal – Sociological journal*. 2007, No. 2, pp. 5–23.
8. Bourke J. *The Body in Modern Warfare: Myth and Meaning, 1914–1945* // *What History Tells*. George L. Mosse and the Culture of Modern Europe / ed. by S. G. Payne, D. J. Sorkin, J. S. Tortorice. Madison. University of Wisconsin Press, 2004. Pp. 202–219.
9. Connell R. W. *Masculinities*. Berkeley, Los Angeles. University of California Press, 2005. 324 p.
10. Mosse G. L. *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity* Oxford. N. Y. Oxford University Press, 1998. 232 p.